

Вхождение в Церковь

1

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ

**Протоиерей
Андрей Ткачев**

Известный миссионер, писатель и публицист, ведущий передач на радио и телевидении. Автор более 20 книг, номинант Патриаршей литературной премии 2014 года. Священник храма Воскресения Словущего на Успенском Вражке в Москве.

Поиск своего храма

Первая Исповедь и Причастие

Литургия — центр нашей веры

Семь таинств Церкви

Святыни и традиции

**СТУПЕНИ
ВЕРЫ**

Ступени веры

Андрей Ткачев

**Вхождение в Церковь. Первая
ступень: Воцерковление**

«Никея»

2016

УДК 242
ББК 86.372

Ткачев А.

Вхождение в Церковь. Первая ступень: Воцерковление /
А. Ткачев — «Никея», 2016 — (Ступени веры)

ISBN 978-5-91761-501-1

Книга вводит читателя в мир Православного Предания, помогает преодолеть страх первой Исповеди, познать радость Божественной литургии, разобраться в таинствах Церкви и избежать «духовных ловушек». Просто и убедительно, со множеством ярких примеров, автор показывает, как церковная жизнь изменяет внутренний облик человека. Открывая самую суть веры во Христа, книга дает читателю возможность почувствовать себя уже не сторонним наблюдателем, а полноценным участником жизни Православной Церкви.

УДК 242
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-501-1

© Ткачев А., 2016
© Никея, 2016

Содержание

От издательства	6
Введение	8
Глава 1	9
Степень нашей готовности	9
Остановиться, чтобы сделать шаг	10
Господь ловит на грани	11
Подобрать ключ к каждому	12
Трудный легкий первый шаг	14
Одиночество в многолюдстве	16
Еще раз остановись!	18
Глава 2	19
Святая святым?	19
«Я, любимый»	21
Про «злых свечниц»	22
Искать ли свой храм?	23
Община: дорасти до того, чтобы отдавать	25
Иная жизнь и страсти человеческие	27
Глава 3	28
Почему начать нужно с покаяния?	28
Решиться и прийти	29
Слезы, а не экзамен	30
Найти священника-«айболита»	31
Как преодолеть страх?	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Протоиерей Андрей Ткачев

Вхождение в Церковь. Первая ступень: Воцерковление

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС Р-16 518-0859

Образовательно-просветительский проект «Ступени веры»

Образовательно-
просветительский проект
СТУПЕНИ ВЕРЫ
www.stupenivery.ru

От издательства

История Православной Церкви насчитывает почти два тысячелетия. За это время церковное Предание вместило в себя большое количество книг и постепенно сформировавшихся традиций: каноны, богослужебные тексты, молитвословы, поучения святых отцов и другие книги о самых разных аспектах христианской жизни. Как разобраться в этом море информации человеку, недавно переступившему порог храма? Что считать главным? Наставлениям кого из христианских подвижников следовать? Подобные вопросы возникают в голове человека, всерьез задумавшегося об основах своей веры и решившего понять церковные традиции. Замечательно, если найдется кто-то знающий и поможет. А если нет? Тогда можно воспользоваться проверенным способом – прочесть хорошую книгу. Надеемся, что такими книгами станут наши издания, составляющие новый образовательно-просветительский проект «Ступени веры».

Книги «Ступеней веры» отличает их соответствие учению Церкви, продуманность и доступность изложения. Все они написаны специально для этого проекта современными авторами: священниками, преподавателями, историками, не только обладающими глубокими познаниями в своих областях, но и умеющими ярко и доступно передать свои знания читателю.

Небольшой объем, лаконичность оформления и удобная навигация по книгам – отличительные особенности данного проекта. Некоторые книги курса построены в виде уроков, другие снабжены иллюстрациями и инфографикой, облегчающей усвоение материала. Отдельным достоинством курса является возможность изучения книг независимо друг от друга.

Этот курс станет незаменимым помощником как для людей, делающих первые шаги в Церкви, так и для всех, кто хочет расширить и систематизировать свои знания о православной вере.

Проект издательства «Никея» не отменяет необходимости дальнейшего знакомства с миром православного Предания, но дает знания, необходимые для более глубокого погружения в церковную традицию, и побуждает к дальнейшему движению в раз и навсегда правильно выбранном направлении.

Продуманный и логично выстроенный, курс «Ступени веры», словно компас, поведет читателя путем познания по ступеням восхождения, возрастания в православной вере.

1-Я СТУПЕНЬ. ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ

- «ВХОЖДЕНИЕ В ЦЕРКОВЬ»
- «ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ»

2-Я СТУПЕНЬ. ИСТОРИЯ

- «ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ»

3-Я СТУПЕНЬ. БОГОСЛУЖЕНИЕ

- «КАК УСТРОЕНО БОГОСЛУЖЕНИЕ ЦЕРКВИ»
- «ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ СЛОВАРИК»

4-Я СТУПЕНЬ. СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ

- «ЗНАКОМСТВО С БИБЛИЕЙ»

Первая ступень. «Воцерковление» состоит из двух книг известного миссионера и проповедника протоиерея Андрея Ткачева – «Вхождение в Церковь» и «Духовная жизнь». Первая из них рассказывает об основах христианской жизни, раскрывает теорию – что такое

молитва, какие таинства присутствуют в Церкви, почему и как почитаются святыни и соблюдаются традиции. Вторая же, скорее, говорит о практике духовной жизни: о глубине покаяния, об аскетике и монашестве, о различиях между постом внешним и внутренним, о необходимости самообразования.

Книга «Вхождение в Церковь» вводит читателя в мир православной веры, помогает решиться на первую Исповедь, приступить к главному Таинству Церкви – Причастию, знакомит с церковными традициями, предостерегая от «духовных ловушек» и «подмен».

Автор доступно и увлекательно объясняет, что происходит в православном храме, и знакомит читателя с богатством церковных традиций.

Введение

У меня есть один знакомый – простой и хороший человек, которого преследует всю жизнь одна любопытная закономерность. Какие бы он квартиры ни снимал (своего жилья пока нет), они всегда оказываются в той или иной степени близости от православного храма. Узнает знакомый об этом только рано утром в воскресенье, когда удары благовеста зовут верующих на литургию. А заодно и будят неверующих. Любопытно, что этот знакомый на благовест не сердится. Наоборот, говорит: «Эх, зовет меня Господь в церковь, зовет...» – «Так когда придешь?» – спрашиваю. «Надо, надо... Как-нибудь потом».

Что такое это наше современное «потом»? Недавно появилось модное словечко «прокрастинация» – термин в психологии, произошедший от латинских слов *pro* – «на» и *eras* – «завтра». Проявляется прокрастинация в том, что человек, зная необходимость каких-то важных задач, игнорирует их и отвлекает свое внимание на что-то другое. Лежит, например, перед ним Библия, которую он никак не возьмется читать. И говорит он себе: «Надо, знаю. Но не сейчас». Так может длиться годами. Прокрастинацию можно назвать, вместе с гиподинамией, ожирением и хронической усталостью, «болезнью века». Психологи изучают ее и дают советы, как с ней бороться. Недавно я узнал о святом мученике Экспедите (память 19 апреля). Тот был решителен в преодолении соблазна откладывать на завтра добрые дела. Его изображают с крестом в руках, на котором написано *Hodie* – «сегодня». А под пятой у него ворон с лентой в клюве. На ленте надпись: «завтра». В образе ворона диавол искушал святого отложить Крещение. Латинское *eras* (завтра) и звучит словно карканье. Так вот святой Экспедит наступил на птицу, сказав свое «сегодня». Достойный покровитель для современников.

Но вопрос остается: можно ли побороть прокрастинацию прихода к Господу? Правомочно ли наше «потом», которое мы говорим Богу в ответ на Его благовест?

В слове «потом» есть большая угроза – угроза превратиться в «поздно». Этим опасно затягивание. Ты же не знаешь, сколько тебе времени и сил отпустит Господь, сколько возможностей войти с Ним в общение у тебя еще будет. Может, не так много осталось? А ты не пользуешься сегодня тем, что завтра станет невозможным. «Слишком поздно» – это те два слова, которыми, по Достоевскому, можно выразить ад. Именно не «больно» или «страшно», а «поздно». И Достоевский абсолютно прав. Представьте, когда перед человеком, словно на ладони, лежит прошлая жизнь со всеми ее нереализованными возможностями, со всеми ошибками, досадными неразумениями, словно прожитая начерно. Это же ужасное зрелище! Жил я и думал, что лишь готовлюсь к настоящей жизни и скоро заживу в полную силу. А прожитые дни, месяцы и годы оказались не черновиками, а выпускной контрольной. И все, уже поздно. Подобная мысль леденит душу.

Уходит здоровье, чтобы уже не возвратиться; уходят друзья и родственники; проходит время, не умеющее течь вспять. Когда все важное прошло мимо, помахав ручкой, ужас этого простого слова «поздно» рождает плач и скрежет зубовный. Звуками этими будет полна злая реальность преисподней...

Но пока листаются эти страницы, пока глаза бегают по строчкам, а за окном по небу плывут облака, еще не «поздно». Сейчас продолжается, тянется привычное «потом». Потом я постараюсь исправиться, потом начну бороться с грехами, беречь жену, воспитывать детей, думать о Христе... Потом, потом, потом...

Эта книга о том, когда «потом» заканчивается и начинается «здесь и сейчас».

Глава 1

На пороге Церкви

Степень нашей готовности

Можно очертить грубо два типа личностей. Например, вы встречаете человека, который убежден, что святости вообще нет, что каких-то таких запредельных высот не бывает, да и вообще иной жизни не может быть, потому что жизнь – это предельно просто: игра химии, гормонов, денег, страстей, случая. Вы пытаетесь с таким человеком о чем-то говорить и вдруг понимаете, что нет коммуникации, вы говорите на разных языках. Это один вариант. А второй вариант – когда вы встречаете человека и он дает понять: «Да, я верю в то, о чем ты свидетельствуешь, я знаю, что так и есть». – «Ну так что, пойдём?» – спрашиваете вы, но он отвечает: «А можно потом? Я чувствую, что не готов еще». Тут можно надеяться, что этому человеку возможности будут умножены. Человеку, который соглашается с наличием святости и иного мира, человеку, который признает свое фактическое недостойство, бывает боязно менять свою жизнь немедленно. Добрый плод уже зачат в душе его, но еще недоношен, чтобы родиться. Думаю, надо иметь уважение к робости подобного человека.

Ведь слово «потом» неоднозначно. Оно может иметь конструктивный и деструктивный смысл. Про деструктивный мы уже сказали выше – постепенное превращение в «поздно». Но бывает и «правильное» отлагательство. Отложенная мысль. «Я потом приду. Я знаю, в мире есть смысл и красота, знаю, в Церкви есть святость. Но я пока не готов это вместить. Я обязательно доберусь туда потом...» В этой мысли есть признание немощи, то есть смирение. Оттого она вызывает сочувствие.

Правда, сложность в том, что мы напрочь лишены возможности определить, в какой степени готовности мы находимся. Адекватно дать оценку своему состоянию мы не в силах. В состоянии ли человек сам в себе разобраться? По большей части за отказом идти к Богу может стоять просто трусость. И нужно понимать, что труса сделать храбрым – это великое искусство.

Какой можно сделать вывод? Того, кто в ответ на призыв к молитве, покаянию, приходу в храм говорит «потом, не сейчас», тянуть не надо. Нужно признать, что не может человек только своими силами, без помощи Бога, врачевать другого человека. Надо дать Богу место и время. Ему, Премудрому, доступна педагогика обстоятельств. Язык повседневных событий – именно тот язык, которым Господь разговаривает с людьми. Стоит быть внимательным ко всему происходящему, ибо это форма диалога с Тем, Кто нас создал.

Остановиться, чтобы сделать шаг

Festina lente – так говорили древние римляне, мудрые люди: спеши, но медленно. Наверное, это и есть рецепт прихода в Церковь. Ведь чтобы сделать шаг, нужно... остановиться.

Festina lente – так говорили древние римляне, мудрые люди: спеши, но медленно

Сегодня «вечные», бытийные вопросы заслаиваются таким уровнем внешней шелухи, что будто бы и вовсе исчезают. Человеку очень трудно пройти внутрь себя. Ему не до себя – то есть ему, казалось бы, только и есть дело, что до себя, но не до настоящего себя. Он боится заглянуть внутрь, туда, где ему придется снять покров с «портрета Дориана Грея»: отдернуть занавесочку и увидеть подлинное «я». Слишком много страхов, задавленных страхов, среди которых – страх встречи с самим собой. Человек может заниматься чем угодно, лишь бы только не заниматься самым главным. И хотя многие привычно жалуются на суету и перегруженность, но нередко внешняя суета втайне любима, поскольку очень кстати отвлекает нас от важных вопросов.

Нужно остановиться. У пророка Иеремии читаем: «Остановитесь на путях ваших и рассмотрите... где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим»¹.

Остановимся, сядем, услышим. Помните Христа в гостях у Марфы и Марии? Марфа бежит, Мария сидит. Мария сидит не потому, что она лентяйка, а потому, что ей хорошо сидеть и она понимает: в этот момент надо сидеть у ног Мессии. Смотреть на Него снизу вверх любящим взглядом и ловить каждое слово. Причем Мария не говорит Иисусу: «Скажи сестре, пусть и она сядет!» Мария просто молчит и слушает. А Марфа не только бежит, но еще и сетует: что ж сестра сидит, пусть мне помогает!

Пока бегаем – никогда не услышим. Вот прийти в Церковь – это и есть остановиться.

¹ Иер. 6: 16.

Господь ловит на грани

У протестантов можно прочесть много таких вот историй: «Я был пьяницей, валялся под забором, курил, ругался матом. Конечно, обо мне печалилась вся семья и я был изгоем общества. И вдруг я услышал проповедь – и поменял свою жизнь. Иисус спас меня, Иисус вошел в мое сердце, теперь я конечно же не пью и не курю и даже не выражаюсь матом. Я стал полной противоположностью тому, чем был год назад! Теперь я всем проповедую то же». Вот в принципе одна из типовых протестантских историй обращений, которая может быть тиражирована миллионами экземпляров под разными именами. Ничего намеренно плохого в этих историях нет. Просто они шаблонны и рисуют слишком простую картину. Дескать, был без Бога – было все плохо. Услышал проповедь, стал жить с Богом – стало все хорошо.

Господь ловит нас, когда мы находимся на грани

Нам, православным людям, стоило бы проработать какой-то свой массив историй обращенных людей. Мы получим картину более живую, более драматичную, сложную и богатую на сюжеты. В нее может быть вплетена вся пестрота жизненных событий: война, роды, ушедший муж, изменившая жена, болезнь ребенка, смерть родственника, случайная встреча, неожиданная служба, которую посетил человек в церкви. Мы тоже смогли бы выделить из этих историй какие-то серьезные принципиальные линии. Линия критическая, крайняя, например: ушел сбрасываться с моста и... Господь ведь на краю ловит людей. Я действительно слышал такие истории от самих участников: человек шел бросаться с крыши, и его остановил Господь. Буквально остановил. С этого момента жизнь двинулась в иную сторону.

Есть и промежуточные, «серединные» сюжеты, когда критической ситуации не было, но просто было очень плохо. Есть сюжет «встречи» – когда встретил, узнал, поговорил, услышал, понял, почувствовал... Или бывают такие периоды, когда вообще ничего не предвещает перемен в жизни: было обычное утро, человек собрался на работу, надел пальто и шляпу, вышел из дома и вдруг... Все, как у Клайва Льюиса²: «был настигнут радостью».

И вот если бы все эти истории вычленили, собрать, мы, может быть, смогли бы уловить, как Господь находит Своих учеников. В критических состояниях Он, видимо, ловит тех, у кого в иных случаях просто не возникло бы вопросов о смысле бытия; более чуткие души Он находит на внутренней грани, хотя снаружи у них все хорошо, казалось бы.

По сути, всех нас ловит Господь, когда мы находимся на грани. Только эта грань у одного очевидная, она существует в виде крыши, с которой он решил прыгнуть, в виде ножа, таблеток, сумасшедшего дома. А у другого – какая-то внутренняя грань, ее не видно. Причем ведь, смотрите, есть люди, вроде бы знающие о Христе, и есть люди, никогда не слышавшие о Нем. Но находит Бог и тех и других. Те, которые знали что-то о Христе, имеют шанс искать именно Его, потому что они о Нем слышали. Но самое удивительное, когда Он находит тех, кто вообще о Нем не слышал или даже научен думать о Нем что-то плохое. Как апостол Павел, который поначалу был гонителем христиан.

В конечном итоге речь идет о встрече человека и Бога, где третьи лица, косвенно участвующие в этой сложной истории, должны не мешать. А по возможности даже помочь, стать проводниками, с помощью которых может передаваться благодать.

² Клайв Стейнлз Льюис (1898–1963) – выдающийся английский и ирландский писатель, ученый и богослов. Известен своими работами по средневековой литературе и христианской апологетике а также художественными произведениями в жанре фантастики. (Здесь и далее примеч. ред.)

Подобрать ключ к каждому

Способ обретения Бога, характер первой встречи накладывает печать на всю последующую христианскую жизнь человека. Например, кто-то принимает Христа, познав Его через литургию. Литургическая мистерия, таинство может

открыть человеку Господа, хотя он к этому не готовился. У другого человека умирает родственник, и он попадает на заупокойную службу. И вдруг это богослужение в его разодранную скорбью душу что-то зароняет. Он что-то познает. Впоследствии человек будет искать Христа именно через богослужение, он будет искать Его там, где уже однажды встретил.

Если человек через книгу нашел Бога, то он будет жадно искать и познавать умом Господа и дальше

Причем, если он слышал проповедь и проповедь ему пробила сердце, он будет искать проповедника. А если он услышал службу и она легла ему на душу, он будет искать именно службу. И ему будет не очень важно, кто там служит – епископ или священник, старый или молодой, строгий или добрый. Если человек через книгу нашел Бога, то он будет жадно искать и познавать умом Господа и дальше. Был у Августина Блаженного такой сложный момент, когда головой он прекрасно знал, что Бог есть, что Господь Иисус Христос – это Путь, и Истина, и Жизнь и что нужно идти по этому пути, – а сердце не соглашалось, сердце хотело еще удовольствий, славы, женской любви... И Августин, как честный человек, находился в жуткой раздвоенности. Его сердце говорило: «Не могу я идти ко Христу сейчас!» А голова говорила: «Но больше идти некуда». Тогда, по преданию, ему был голос: «Бери, читай». Он взял книгу – Послание к Римлянам, где как раз говорилось о его состоянии. Он почувствовал Христа, говорящего с ним, и это был момент решительного склонения чаши весов в сторону служения Богу. Так Блаженный Августин и стал великим книжником, и писателем, и читателем, и толкователем, и экзегетом. Через книги он пришел к Богу, и книги стали полем его деятельности.

Толчком к встрече с Богом у каждого может стать свое: монастырь, старец, болезнь, война, пение хора, колокольный звон... На войне ведь многие теряют Бога, а многие находят Его. Те, кто якобы имел веру в Него, на войне могут потерять Его; те, кто не имел Его совсем, – Его найти; война сделает Бога еще ближе, чем Он был, к тем, кто и до войны имел веру настоящую, глубокую.

Каково должно быть состояние человека, чтобы принять Бога? «Будьте как дети»?³ Если брать прозрачную, чистую евангельскую истину, конечно, ее лучше воспринимать как ребенок. И всем легче будет – и Господу, и тебе самому будет с собой легче. Другое дело, что такой чистоты – быть как дети – нет по факту. Какие дети? Сейчас дети стали уже как взрослые. Они уже не дети по степени понимания дел мира сего, по степени погруженности в какие-то страстные состояния, по изворотливости ума. А от взрослых тогда чего ожидать? Настоящей наивности, детской, сейчас еще нужно поискать. Поэтому можно говорить о состоянии наиболее предпочтительном и фактическом. Предпочтительное – это детская простота, а фактическое – это сложность. И в этом смысле мы добавляем Господу Богу трудов. Это не я придумал, это святые отцы говорили, например Паисий Святогорец⁴: мы заставляем Бога переживать за нас в десятки раз больше. Если пьяный человек садится за руль, если кто-то всю жизнь только и делает, что ищет себе приключений, Господь вынужден постоянно их спасать, ограждать, иначе они бы погибли уже давным-давно. А нет же, живут, хотя ходят по краю. Сколько есть записан-

³ См.: Мф. 18: 3.

⁴ *Преподобный Паисий Святогорец* (в миру Арсений Езнепидис; 1924–1994) – один из самых уважаемых греческих старцев и духовных светил греческого народа XX века, старец Афонской Горы, известный своими духовными наставлениями и подвижническо жизнью.

ных исповедей бывших наркоманов, потом обратившихся, – и они просто поражаются, как не померли в какой-то момент, как будто кто-то их хранил! Ищут кто, гадают – мамины молитвы? крестик бабушки? Да, Бог усиливается в таких случаях, чтобы спасти их, этих людей.

Для каждого человека у Бога найдется свой ключ к сердечному замку. Прекрасный образ есть у неподражаемого христианского апологета начала XX столетия, мастера метафор и парадоксов Гилберта Честертона: он пишет, что вера подобна ключу. Ключ – это очень сложная вещь. Даже старый, от амбарного замка, – это искусно, фигурно выделанная штучка. И штучка уникальная: она должна подходить именно к своему замку. Если ключ не влезает в замочную скважину, не может открыть – все: он красив, изящен, сложен, но... бесполезен. И у каждого человека – в силу усложнившейся жизни вокруг, в силу того, что исхитрилось само нутро человека, – сердце стало лабиринтом, замком, и нужно пройти сложным путем, чтобы добраться до середины. Нужен свой, уникальный ключ к сердцу человеческому.

И вот какой мы, в силу своей мнимой или подлинной сложности, задаем Богу труд – к каждому сердцу отдельно подбирать свой ключ.

Трудный легкий первый шаг

Бывает и так, что в человеке сидит какой-то страх: страх показаться невеждой в новом пространстве Церкви, страх, что там не примут... Раньше был (и сегодня в некоторых храмах возрождается) чин оглашенных, придуманный именно для таких страшящихся. Человек приходил, присматривался, узнавал о вере, задавал вопросы... И он мог стоять на литургии до возгласа: «Елицы оглашении, изыдите!»⁵, слушать Евангелие, возможно, что-то важное услышать именно для себя. Апостол Павел писал о том, что в собрание христиан может войти сторонний человек, грешник, и вдруг услышать в проповеди слово, как будто именно для него прозвучавшее, его обличающее, – пасть ниц и прославить Бога...⁶

Действительно, в жизни бывают такие вещи. Человек может зайти «за чем-то новым», подслушать и подсмотреть, полюбопытствовать, что это вообще такое – церковная жизнь, церковная служба. И вдруг услышать слово, резанувшее прямо по сердцу...

Из всего этого и состоит таинство обращения. Не резкий переход отсюда туда, как в будущей жизни, когда возврата нет (вспомним притчу о богаче и Лазаре⁷), а некие постепенные переходы. Господь ведь тоже звал к Себе апостолов в несколько «этапов». Они узнавали о Нем, потом вновь на какой-то период возвращались к привычным трудам и лишь со временем оставляли все и становились учениками, спутниками, свидетелями.

Нет резкой грани между миром и Церковью. Уже больше двадцати лет дверь Церкви открыта для миллионов людей. Увы, за счет этой открытости существование Церкви многим начинает казаться... слишком обыденным. Если бы Церковь скрывалась – так, что не найдешь, и не войдешь, и не пустят, и рассказать ничего не хотят, – тут, возможно, появился бы интерес и желание все-таки войти в эту «тайную дверь», узнать, что за ней. Любопытно было бы. А так – нет. Все открыто, можешь зайти внутрь, сразу же выйти, снова зайти... Эта обыденность соблазняет и охлаждает одновременно. «Да вот она, эта церковь, рядом стоит! Чего тут, это ж не в Тибет ехать!»

В наличии этой легкости есть и плюс и минус.

Плюс для тех, чье сердце отзывчиво на уколы нужных слов в нужное время, отзывчиво к действию Духа Святого.

Случайно зашел, а там какая-то служба идет. «А чего тут люди собрались?» – «Сегодня Успение Божией Матери. Мы Божию Матерь хороним сегодня...» И человек задержался и остался, и вдруг что-то вошло в него из этой всей длинной непонятной службы, какие-то два-три слова запали ему в сердце. Такое бывает. История обращения может быть и такой.

Мы переступаем порог Церкви, неся с собою дух того мира, в котором жили и живем

И открытая дверь будет минусом для тех, для кого бытие Церкви «под боком» остается просто чем-то внешним. Привычным, приятным или нейтральным, но глубоко не трогающим, как колокольный звон у моего знакомого.

Еще вот что. Мы переступаем порог Церкви, неся с собою дух того мира, в котором жили и живем. Мы можем даже не подозревать о том, насколько мы пропитаны этим духом, но он даст о себе знать непременно. Все болезни эпохи присутствуют в нас. И надо хорошо понимать, что сегодня в храм приходит человек не XIII или XVII, а XXI века. Дмитрий Донской, прихо-

⁵ Возглас в конце литургии оглашенных, которым в древности оглашенные (некрещенные люди, желающие принять Крещение) призывались покинуть храм. Дальнейшая часть литургии (литургия верных) предназначалась для «верных», то есть крещеных христиан.

⁶ См.: 1 Кор. 14: 24–25.

⁷ См.: Лк. 16: 19–31.

дящий к Сергию Радонежскому, – это не совсем то же, что нынешний министр обороны, пришедший к Святейшему Патриарху... С одной стороны, это одно и то же, с другой – довольно разные вещи: другая культурная традиция, другие мысли о себе и окружающих, другая степень ответственности за все. Мы – дети своего времени – приходим в Церковь, пропитанные чем-то таким, чего не было раньше. Иначе можно было бы в каждую эпоху просто перепечатывать старые книжки и не писать новых. Если бы новых вопросов не появлялось, не было бы нужды в новых ответах. Но они появляются. Наше время – иное, и мы его носим в себе.

Одиночество в многолюдстве

В первую очередь мы носим с собой свое одиночество. Сегодняшний человек очень одинок, он лишен почти всех связей, которые раньше его укрепляли: социальных, национальных, сословных. Да и сословий уже никаких нет – купцов, дворян, офицерства, в старом понимании. Только духовенство, к слову, осталось. Очень потрепанное и изменившееся, но осталось. Последнее уцелевшее сословие.

Национальность для многих стала условностью: ее даже теперь не записывают в паспорт. В результате человек не чувствует себя включенным в большее, вшитым, как нитка в ткань. Он не чувствует, что справа, слева, сверху, снизу от него в тесном соприкосновении находятся такие же нити, вместе с ним составляющие одно целое. Он чувствует себя в многолюдстве, где он никому не нужен и одинок. Многолюдство – лишь фон его жизни.

Современный человек находится в парадоксальном состоянии обмана

Вот, например, сидят в кафе папа, мама и двое детей. Они ожидают свой заказ, и каждый при этом увлеченно смотрит в свой гаджет. Четыре человека сидят, и никто из них не разговаривает друг с другом, каждый смотрит что-то свое: мультик, фейсбук, «тетрис»... Картина привычна, но совершенно ненормальна.

Современного человека специфически опьянила цивилизация, она совершила с ним тонкую подмену. У нас есть все и... нет ничего. Что я имею в виду? Например, мы летаем по небу, но остаемся слабыми и беззащитными и можем с этого неба легко упасть. Мы разговариваем с Токио так, будто наш собеседник находится в соседней комнате, но при этом, выключив «скайп», плачем от одиночества. Одежду за нас стирает стиральная машина, посуду моет машина посудомоечная – руки освободились, но мы не знаем, что делать с освободившимися руками! Раскладывать пасьянс? Переключать кнопки телевизора?

Ведь цивилизация якобы развивается для того, чтобы подарить человеку счастье. Но вместо счастья она дарит нам стиральную машину, посудомойку и робот-уборщик, а счастья как не было, так и нет.

Про «освобождение» от цивилизации много в своих беседах говорит афонский старец Паисий Святогорец. К нему как-то пришел глава многодетной семьи: «Отче, у нас есть одна машина, но я думаю купить еще две. Так нам будет полегче». – «А насколько вам будет потруднее, ты не подумал? – спросил старец. – Одну машину ты оставляешь в какой-нибудь подворотне, а где будешь ставить три? Тебе понадобится гараж и склад для горючего. Вместо одной опасности вы будете подвергаться трем.

Лучше вам обходиться одной машиной и ограничить свои расходы. И время, чтобы смотреть за детьми, у вас будет, и сами вы будете умиротворенными. Надо жить проще!»

Возможно, поэтому современный человек глубинно недоволен. Он недоволен, кажется, тем, что хоть у него есть многое, но у него нет чего-то еще. А ведь то, что он имеет, – это пик желаний и стремлений любого человека, жившего хотя бы двадцать лет назад. Не говоря о жившем двести лет назад.

Вот парадокс: машины все делают за нас, а мы ничего не успеваем. У Михаила Боярского есть такая песня: «Спешу куда-то день-деньской... И все равно я день-деньской в сто мест важнейших день-деньской опаздываю разом. А по ночам мне снится конь...» Дед на коне всюду успевал, а я, загнав под капот четыреста лошадиных сил, никуда не успеваю! Современный человек находится в каком-то парадоксальном состоянии обмана. С одной стороны, он считает, что живет в лучшее из всех времен, которые были: больной зуб ему лечат так, что он ничего не чувствует; он может побывать на Мальдивах и в Африке; по Интернету он говорит с любым городом мира. Это удивительные блага, которых не было никогда ни у кого. Спроси

любого человека: «Ты мог бы жить в эпоху Ивана Грозного или в Париже Людовика XIV, при мушкетерах, когда, например, не было канализации? Батистовые кружева батистовыми кружевами, но... ты бы мог тогда жить?» Человек честно скажет: «Нет, не смог бы. Я рад, что я живу сейчас!»

Но вместе с тем обещали-то ведь человеку не канализацию... Цивилизация имела претензию на то, чтоб подарить человеку счастье, причем настоящее и окончательное счастье. А счастья нет.

И поэтому современный человек глубоко разочарован.

Еще раз остановись!

Получается. Церковь остается для человека последним местом, где он все-таки может обрести свой кусочек счастья. Этого, по крайней мере, человек от Церкви ждет.

Выше мы уже много говорили про спешку и неторопливость, но вот тут, когда ты уже наконец зайдешь в храм, ты тоже не бегай. Мы так привыкли к суете

и отвыкли от тишины, и внешней, и внутренней, что и в храме неосознанно продолжаем это «броуновское движение». А суетиться тут не стоит. Не так важно сейчас, как записку написать, где свечку купить и куда эту свечку поставить. Давайте просто придем на саму службу, встанем в уголочке, чтобы никто не толкал и не мешал, – и попытаемся понять, что здесь происходит. Попробуем вместе с имеющими уши услышать, что Дух говорит церквам⁸.

⁸ См., напр.: Откр. 2: 7.

Глава 2

Найти свой храм – найти себя

Святая святым?

Возглас на литургии перед причащением.

Вы приходите в дом Божий, в котором Господь живет, разговаривает с людьми, приближается к ним, позволяет им приблизиться к Себе. И вы, наверное, ждете, что эти люди совершенно иные. Они радостно поделятся с вами своим опытом и будут смотреть на вас с надеждой, что вы здесь не просто «турист», а один из братьев или сестер. Но церковные люди, конечно, не могут находиться постоянно в таком напряженном состоянии: ежеминутно помнить, что на них сейчас смотрят, ежеминутно вести себя как идеальное «лицо» Церкви. От них и не требуется актерства, они должны быть естественно святы. Смешно, наверное, звучит, но многие на самом деле ждут, что находящийся в церкви человек – «профессиональный» святой. Что у него профессия такая – быть святым.

А это не так. Или не совсем так.

На самом деле от слова «святость» нас не отделяет пропасть, это понятие применимо ко всем христианам, к нам с вами. Мы, священнослужители, регулярно произносим на литургии «Святая святым», имея в виду, что Святые Таины сейчас будут даваться святым, и преподаем Причастие конкретным людям, которые только что каялись нам в грехах. Так что у нас нет иллюзий. Мы понимаем, что в полном смысле свят только Господь – «Един Свят, един Господь, Иисус Христос, во славу Бога Отца, аминь»⁹. Мы же святы по избранию и призванию.

И все-таки новопришедший человек подсознательно считает, что люди в Церкви – это люди, победившие страсти, не волнующиеся от того, о чем волнуется он, преодолевшие то, чего он не преодолел. И похоть их не касается, и гнев не мучает, обиды не тревожат, деньги, карьера и власть им не нужны, и вообще, это люди, живущие высшими потребностями духа. Соответственно этим завышенным ожиданиям велик и градус ненависти к Церкви, если в ней «что-то не так». Человек разрешает себе все или почти все, но считает вправе не разрешать этого же тому, кто в его глазах олицетворяет Церковь, и готов воскликнуть: «Посмотрите-ка на них! Что они себе позволяют?» Таково в общем-то невольное признание даже этим критикующим грешником за Церковью некоего святого идеала.

Придя в храм, человек ожидает от нас именно безгрешия. Безгрешна, елейной любви. Он ведь знает, что «Бог есть любовь», значит, христиане должны любить друг друга. Он не очень задумывался над этим тезисом, но слышал его сотни раз, хотя бы даже по телевизору. И он ожидает, что в храме все будут его любить. А на него, наоборот, прикрикнули или в его присутствии с кем-то резко себя повели: «Станьте здесь, что вы тут ходите? Вы лампадку чуть не уронили!» И у новичка сразу возникает диссонанс. Ни любви, ни безгрешия. Заготовленные клише рушатся.

Конечно, в своих априори идеальных представлениях он ошибается. И ему придется разобраться, что такое святость и что такое безгрешие, чтобы подкорректировать свои мысли. Убрать иллюзии и фантазии, отложить преднамеренные осуждающие мысли, а на их место водворить трезвые оценочные суждения. Каким образом? Для этого человек должен познать Господа. При живом переживании благодати происходит повышение планки требований к себе

⁹ Возглас на литургии перед причащением.

и через это – понижение планки требований к другому. А переживание благодати есть уверенность в святости Господней, в том, что Господь жив, Господь здесь, Господь действует.

Многие на самом деле ждут, что находящийся в церкви человек – „профессиональный“ святой

И даже священник не безгрешен, это тоже надо понимать (хотя католические фильмы и книги научили наших людей обращаться к нему «святой отец»). От священника не требуется абсолютная святость для того, чтобы быть проводником благодати. Святость может где-то присутствовать, может где-то приближаться к идеалу, как, например, в случае преподобного Сергия Радонежского или праведного Иоанна Кронштадтского. Но не может вся масса духовенства быть Иоаннами Кронштадтскими¹⁰! Однако это не мешает православным христианам принимать Святые Таины, веря в их святость, из рук людей, которые недотягивают до уровня Иоанна Кронштадтского...

Человек, правильно воцерковляясь, начинает спокойнее смотреть на других. Ведь он наступает на те же грабли, что и люди, которых он встретил в храме. Он понимает, что опыт благодати автоматически не преодолевает греха, что грех продолжает влечь человека к себе и оставлять его просто так, легко, не хочет. Человек вступает в драму борьбы с грехом, а тогда у него вообще исчезают иллюзии: он осознает, какое это длинное путешествие. И становится немного яснее, почему у некоторых «очень православных» людей, которые всю жизнь в Церкви служат, бывает «такое» – почему вдруг из них вырываются такие огненные вихри тех или иных грехов. Для этого полезно и Библию почитать: там тоже есть немало примеров, как согрешали и избранные.

¹⁰ *Святой праведный Иоанн Кронштадтский* (Иван Ильич Сергиев; 1829–1909) – проповедник, духовный писатель, церковно-общественный и социальный деятель, духовный лидер, прославившийся своими чудотворениями и благими делами. Настоятель Андреевского собора в Кронштадте.

«Я, любимый»

Путь понижения планки требований к другим и повышения требовательности к себе далеко не каждый проходит в первые год-два в Церкви. К сожалению, люди, бывает, на десятилетия закрепляются в первоначальном состоянии: вот он я, любимый, уникальный, – как же вы меня не замечаете! – и начинают требовать к себе повышенного внимания.

Что составляет, например, муку и боль любого настоящего старца, духовника? Лжедуховные чада (или духовные лжечада), которые рвут его на части, ссорятся между собой за то, чтобы быть ближе к нему, которые окружают его частоколом собственных тел, чтобы никого другого не пустить к духовнику, и превращаются невольно в какую-то секту приближенных к личности, к ручке благословляющей. Вот такая беда у нас в Церкви – ложная любовь. Откуда эти искривленные формы, из-за чего? Из-за того, что человек считает, что он достоин большего, чем остальные. А разве это установка христианская? «Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою»¹¹ – вот установка, заповеданная Христом!

Человек, правильно воцерковляясь, начинает спокойнее смотреть на других

Второе следствие раздутого чувства собственной уникальности – обидчивость. Как писал в XIX веке знаменитый святитель Феофан Затворник¹², «обидчивость – от самоцена». Ах, свечница отругала – я обиделся и ушел! Эх, батюшка не нашел минуты поговорить – не пойду к нему больше! А если по-другому посмотреть – ну что тут такого? Махнуть рукой, не мучить себя обидой...

Хорошо, когда кто-то может совершенно по-другому сказать: «У меня большой опыт общения с духовными людьми, я много знаю про них – и хорошего, и обычного, и не очень приятного, – но это никак не меняет моего отношения к тому, что Христос воскрес. Это не колеблет мою веру в то, что Бог в Троице един и жив вовеки, что Страшный Суд будет, что праведнику воздастся, а грешник наказан будет, что Евангелие право от корки до корки. Во все это я верю, как положено, и грех человеческий истину от меня не заслоняет...» Вот мудрая речь. Слышать бы ее из разных уст почаще!

Именно такие слова хочется услышать от человека спустя некоторое время, проведенное им в Церкви.

¹¹ Мф. 20: 26.

¹² Святитель Феофан Затворник (Георгий Васильевич Говоров; 1815–1894) – епископ Русской Православной Церкви, богослов, публицист-проповедник. Святитель оказал глубокое влияние на духовное возрождение общества. Наиболее значительные труды его – «Письма о христианской жизни», «Толкование апостольских посланий», «Начертание христианского нравоучения».

Про «злых свечниц»

Когда человек входит в Церковь, кроме умозрительных у него появляются и вполне конкретные вопросы: в какой храм ходить? к кому обратиться, когда зашел в церковь? О первом мы поговорим чуть ниже, а пока ответим на второй вопрос.

Практика показывает, что люди спрашивают все у первых встреченных ими в храме людей – у свечниц. Они видят женщину, которая чистит подсвечник или моет пол (обычно она одета в какую-то спецодежду, по которой можно определить, что она здесь работает), и идут к ней со своими вопросами. Получается, что свечницы – это двери в Церковь, это лицо Церкви. Seriously. Им многое дано, с них много спросится и им многое простится.

Нужно четко понимать, что серьезные проблемы нужно решать не со свечницами, а со священником

Не секрет, что в миру люди, стоящие у порога – вахтеры, привратники, контролеры, – часто бывают... вредными. Это такая «профессиональная болезнь». Они уже знают, кому хорошо дверь открыть, кому улыбнуться, а все остальные, дескать, не мешайте. Ну а наши «билетеры», свечницы, – это в принципе миссионеры. Они должны понимать психологию человека, быть по уровню знаний и опыта чуть-чуть выше. Они должны находить время, чтобы читать, духовно развиваться. А еще они должны уметь говорить с людьми о простых вещах, давая им первичные и внятные ответы.

Вот, по идее, какова их функция.

Существует много стереотипов по поводу этих церковных тружениц. Общим местом стало – бояться «сердитую свечницу». Ну а чего тут бояться? Мы же не сахарные, не растаем даже и от стакана кипятка. Нужно понимать, что у свечниц есть непосредственная работа, кроме как отвечать на твои вопросы, да и вообще в Церкви – не они самые главные. Хорошо бы штатную структуру храма знать еще до переступания его порога. Если ты хочешь чисто «технические» вопросы выяснить: во сколько приходить, что брать, – то, пожалуйста, спроси свечницу. Но если ты хочешь какие-то свои проблемы решить, ты должен четко понимать, что их решать надо не со свечницами, а нужно подойти к священнику.

Искать ли свой храм?

Людям часто не хватает опыта разнообразия. Ведь служа одну и ту же литургию, разные священники все равно служат ее по-разному. Потому что мы люди разного темперамента, разного характера, разной степени любви ко Христу, разных грехов, разного образования. И мы, делая одно и то же, делаем это по-своему. Божественное вообще нешаблонно, оно не может повторяться. В этом разнообразии однообразного могут открываться новые грани и новые смыслы.

Не вижу ничего плохого в том, что человек посещает разные храмы, если Бог подарил ему такую роскошь возможностей. Это – как на хорошо накрытом столе попробовать и одно, и второе, и третье. В одном храме поют лучше, во втором приятнее внешний вид, а этот храм просто близко к дому. Ну и ходите спокойно и туда и сюда.

Рано или поздно нужно будет отделить сущностное от временного. Чистоту Божественной энергии литургии – от конкретного священника, ее служащего. Если человек познал красоту службы, сладость Божественных словес через какого-то определенного батюшку и к нему прилепился навсегда, тут есть опасность, что он очень плотно зарифмует в сознании все, связанное с Господом, с этим конкретным батюшкой. Будет бояться потерять этого батюшку, потому что будет думать, что он потеряет все святое. Как производное от этого – начнет считать, что другой священник не такой духоносный, что другой приход, другой храм не такой «истинно христианский», не такой намоленный. Но если у человека за спиной будет опыт общения с разными пастырями, общинами, то за фасадом такой пестроты он будет учиться узнавать одного и того же Господа. И тогда у него наконец возникнет возможность со временем приходить к Богу почти вне зависимости от человеческих добродетелей и пороков.

Чтобы найти Христа в любом храме, нужно сначала найти себя в каком-то храме

Оксфордский профессор и известный писатель Джон Рональд Руэл Толкиен в старости писал письма своему сыну, многие из которых можно «раздергать» на замечательные цитаты. В одном из писем он говорил, что любовь к Богу и службе Божией должна быть такова, чтобы наслаждаться литургией и Божественным присутствием в самой бедной церкви, с самым неумелым священником-проповедником самого невзрачного вида в самых смиренных ризах и при самом малом числе молящихся. И даже тогда, когда ничто тебя не настраивает на службу: священник кашляет и шепелявит, хор поет надтреснутыми старческими голосами, а в открытую дверь задувает ветер с улицы и вообще все, казалось бы, говорит: «Зачем ты тут стоишь?» – тебе хорошо, потому что ты знаешь, что здесь на самом деле происходит. И ты переживаешь это всем сердцем, вне зависимости от того, кто в этом еще участвует.

Но это письмо уже старого человека, который с высоты своего опыта может говорить сыну такие слова. Чтобы в итоге находить Христа в любом храме, надо сначала найти себя в каком-то храме. Если ты интеллектуальный человек, тогда ты будешь искать священника или, возможно, епископа, который говорит чрезвычайно глубокие проповеди, привлекая материал из области естествознания, истории, философии, – и ты от этого будешь окрылен. Или если ты разбираешься в искусстве, тебе будет тяжело в храме с небрежно подобранными или «наштампованными» иконами, – и ты начнешь искать место, где твое эстетическое восприятие не будет страдать. Или если ты музыкант, тебе захочется послушать хороший хор. Человеку музыкальному молиться при хоре, который фальшивит так, что и глухой услышит, – это мука! А какому-то ценителю древней архитектуры будет хорошо в старом полутемном храме с фресками, которые немножко стерлись от времени, где нет электрического света, а только слабый свет свечей... А кто-то, наоборот, захочет молиться в большом соборе при большом

стечении людей... и так далее. Пожалуйста! Только ходите в храмы и ищите себя. Через опыт узнавания многого познается «единое на потребу». И тогда это «единое» может открываться уже вне зависимости от человеческих успехов или неудач.

Это и есть первый шаг новообращенного – найти себя в храме.

Община: дорасти до того, чтобы отдавать

Какой второй шаг? Найти себя в Церкви уже не как потребителя религиозной мудрости или религиозного искусства, а как одного из членов этой «системы». Которому интересно уже не брать, а давать.

Ты пришел в Церковь, и жизнь твоя приобрела какие-то новые координаты, новую глубину. Ты живешь в том же доме, работаешь на той же работе, но мир твой серьезнейшим образом изменился. Ты стал ходить в храм каждое воскресенье, читать утреннюю и вечернюю молитвы, интересоваться, какое же Евангелие прочтут сегодня на службе и что об этом Евангелии сказал такой-то святой и такой-то современный проповедник. Плюс ты пытаешься, допустим, бросить курить или соблюдать пост в среду и пятницу. У тебя возникают вопросы, недоумения, которые надо разрешить... Начинается живая жизнь. И на каком-то этапе ты задаешь себе вопрос: а что я могу сделать для

Церкви? До сих пор ты приходил и получал от Церкви что-то – прощение грехов, Святые Таины, слезы облегчения и мирное сердце, заряд на наступившую седмицу, назидание, проповедь... А теперь ты хочешь занять уже более активную позицию: ты тоже хочешь что-то делать. Этот шаг знаменует взросление человека и превращение его из младенца во Христа в отрока во Христа. Вопрос: «Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?»¹³ – это уже вопрос не ребенка, а юноши. Ребенком ты потребляешь радость – тебе в Церкви хорошо. Взрослея, ты хочешь сам для этой радости поработать, ты хочешь стать членом общины.

А община – это уже семейственные отношения. Она приняла тебя, ребенка, а теперь и ты созрел для служения, для ответственности – как любой взрослый человек. У меня есть классический пример. Приходит после службы молодой человек и говорит: «Я бы хотел что-то делать для людей, но я работаю на низкооплачиваемой работе, то есть жертвовать много я не могу. По образованию я математик, и я бы мог в воскресные дни давать консультации тем приходским детям, у кого с математикой плохо. Конечно, бесплатно». Вот это яркий пример того, как человек превратился из ребенка в юношу. Он пришел даже уже не с вопросом, а с ответом, он предложил что-то отдать из того, что у него есть. А вслед за ним и другой человек сказал, что у него есть микроавтобус, и если кто-то из его района ездит в храм, то, пожалуйста, он будет их возить. Так началась цепная реакция добра.

Люди дорастают до того, чтобы отдавать. Они говорят: «Вы столько для меня сделали, я хочу тоже что-то сделать». Не обязательно, например, для вас лично, можно и для других. Я сделал им, они сделали другим, другие через шесть рукопожатий опять это сделают мне. Эти механизмы всем ясны. И здесь уже начинает действовать идея служения. Есть врачи, есть юристы, есть художники, скульпторы, архитекторы, есть люди, которые умеют зарабатывать деньги и умеют ими делиться, есть люди, которые могут предоставить свое большое жилье тому, кто хочет снять жилье, а денег у него на это нет, и так далее, и так далее. У каждого пастыря со временем возникает список людей, которые могут чем-то помочь. Так, служа на одном приходе, по идее, священник должен обрасти некой суммой людей, которые желают что-то делать друг для друга ради Христа.

Приходит время задать себе вопрос: а что я могу сделать для Церкви?

Но бывает, что люди ходят в храм много лет, а так и не находят в этом механизме своего места, не становятся его винтиками. Так может быть потому, что человек еще не нашел свой приход. А может, просто стесняется спросить или предложить свои руки и сердце. Или

¹³ Мф. 19: 16.

думает, что точно ничем помочь не сможет. А что тут думать-то? Зимой, например, вообще нет никаких вопросов. Бывает, приходишь зимой на службу и смотришь, как два-три-четыре мужичка уже лопатами церковный двор скребут, откидывают снег или сбивают лед с лестницы. Они ничего уже не спрашивают, никаких «благословите, я снег отгребу», – они просто знают, где лежит инвентарь, и знают, что периодически его надо взять в руки.

Поиск, нахождение себя, о чем мы говорили выше, – это не только поиск того храма, где твоей душе хорошо, но и поиск того храма, где тебе хочется что-то делать. Допустим, ты уже был в двадцати храмах: там красиво поют, но далеко ездить; а там хорошие проповеди, но много народу, тесно стоять; там все вроде бы здорово, но тебя на исповеди поругали. А здесь – все, чувствуешь, твой храм.

И ты сюда и ходи. Тебя здесь уже узнают, кто-то здоровается, ты уже знаешь, как зовут всех священников. И допустим, в какой-то момент настоятель говорит: «Мужчины, пожалуйста, останьтесь после службы, нам нужно выгрузить машину кирпича». Или просто: «Помогите убрать храм перед престольным праздником». Вот тебя и подключают к работе без твоего поиска.

Другое дело, что ты не хочешь («некогда!», «не мое», «я устаю на работе», «а почему я должен, а вот эти нет?» и т. д.) или думаешь, что не можешь, а на самом деле не хочешь. Это значит, что ты еще по-прежнему в возрасте младенца. Некоторые закоренелые холостяки живут с мамой до седых волос и супа себе разогреть не умеют. Так и в Церкви: кто-то, может, уже десять лет в храме, а все «не созрел»...

Иная жизнь и страсти человеческие

Возможно, и община сама «виновата», что в ней не может укорениться кто-то долгое время. Ведь как было побеждено древнее человечество евангельской жизнью: оно было побеждено новизной и удивительностью. Никто не ожидал ничего подобного! Какой-нибудь римлянин или антиохиец, встречаясь с общиной христиан, вдруг видел совершенно новую жизнь – с новыми понятиями, с качественно новыми отношениями, с другим опытом восприятия жизни, смерти, любви, дружбы. Эта новизна подкупала, шокировала, меняла человека, видевшего ее. На этом построены все истории обращений древних (и об этом свидетельствуют акты мучеников). Жизнь в общине христиан была настолько качественно иной, что за нее не жалко было и умереть.

Так вот, собственно, это от нас и требуется, в нашу меру: жизнь общины христиан должна быть новой и иной жизнью по отношению к жизни мира. Она должна быть лучше, «вкуснее», свежее, она должна быть причастной к вечности. Это реальное требование. Так должно быть! А мы обычно отвечаем: «Не можем мы так, недотягиваем!» Ну что ж, братья, значит, нужно выслушать упрек нам самим. В чем же тогда смысл нашего прихода в Церковь, если у нас все такое же, как и вне ее: обиды, карьера, подсиживание, сплетни, шепот за спиной? Что же тогда нового, ради чего все это?..

Жизнь общины христиан должна быть новой и иной жизнью по отношению к жизни мира

Есть такое чудесное выражение: будущее Церкви – это ее прошлое. Если мы хотим идти вперед, мы должны искать в своей общинной жизни те формы, которые описаны в книге Деяний – нормативной книге истории Церкви. Не делать, конечно, кальку, не копировать бездумно, а радостно обретать тождественность своего опыта опыту Древней Церкви.

Ведь Евангелие и книга Деяний апостольских изображают ранних христиан движущимися к совершенству, но – еще не достигшими его.

Читая Евангелие, мы видим даже среди апостолов стремление к власти и споры о первенстве¹⁴, обиды и зависть, трусость, малодушие. В изображении христианской жизни в книге Деяний то же самое: тут и споры о питании вдовиц¹⁵, и обиды и недоразумения между апостолами – например, когда апостол Павел отказался брать с собой на проповедь племянника апостола Варнавы – Марка, почитая его ненадежным спутником, в результате чего «произошло огорчение» и пути апостолов Павла и Варнавы расходятся¹⁶.

Всюду мы видим закипание страстей человеческих. И раннехристианские общины этого не лишены. Как к этому относиться? Знать, что Христос пришел в мир грешников спасти¹⁷. Свят один Господь, а в человеках буйствуют страсти – те самые страсти, которые каждый из нас может видеть в себе самом.

Но все же если мы хотим найти наиболее яркие и многочисленные образцы христианской праведности, то следуют обратить свой взор ко временам, наиболее близким ко времени Христовой проповеди, – к эпохе Апостольской Церкви. Эпохе, озаренной ярчайшей вспышкой святости.

¹⁴ См.: Мк. 9: 33.

¹⁵ См.: Деян. 6:1

¹⁶ См.: Деян. 15 36–41.

¹⁷ См.: 1 Тим. 1: 15; Мф. 9: 13

Глава 3

Первая исповедь

Почему начать нужно с покаяния?

Вхождение в Церковь во взрослом возрасте должно стать тем рубежом, за которым начинается новая жизнь. Хорошо, когда человек крестится взрослым: у него уже накоплен опыт, есть понимание, что такое грех, как с ним бороться. Он осознанно идет на это таинство: он готов меняться.

Вхождение в Церковь во взрослом возрасте должно стать тем рубежом,
за которым начинается новая жизнь.

Но большинство из нас были крещены в раннем детстве, так и не начав духовную жизнь. Вдумаемся: мы крещены, нам даны благодать и достоинство сынов Божиих, в нас, как семя в землю, засеян Христос, мы помазаны святым миром. Но мы всю жизнь живем в кругу мирских понятий. Живем, как получится, а не как надо. Это похоже на то, как если бы нам от рождения принадлежало царское достоинство, а воспитывались мы в цыганском таборе. Да, именно так: маленький царевич в цыганском таборе – это крещеный человек, живущий в языческой атмосфере. Вот каковы мы – люди, возвращающиеся в Церковь после Крещения в младенчестве.

Снова скажу, что в раннехристианских общинах, которые должны служить для нас камертоном, было по-другому. Равняясь на них, нужно готовить человека ко Крещению, дожидаться возраста, когда он осмысленно принимает решение, проводить его через искус катехизации, доводить до святой купели, облачать в белое, делать его членом Церкви – и потом не отпускать уже от Чаши, от молитвы, чтоб он сразу становился новым членом общины. Сознательное Крещение, непрестанное участие в Евхаристии и наличие общины – это базовые вещи, без которых не бывает нормального христианства. Но сегодня люди подходят к церковному обновлению чаще всего по второй «программе»: крестился; потерял, так и не начав пользоваться, крещенскую благодать; вступил во взрослую жизнь; набрался всякого опыта – позитивного, негативного; потом своими путями дошел до той жизни, когда дальше и жить нельзя, а надо что-то менять и приходить к Богу; наконец, подошел к тому порогу, за которым необходимо Покаяние, обновляющее благодать Крещения и возвращающее к той чистоте, которая получена в детстве, но никак не прочувствована, никак не оценена.

Если бы мы сами придумали такую сложную программу – нас нужно было бы за нее покарать. Но мы ее не выдумывали, мы ее унаследовали, поэтому отчасти невинны. Что нам остается делать? Прийти в Церковь в таинстве Покаяния. Недаром Покаяние называют «вторым Крещением»: человек во время исповеди обновляет обеты Крещения – он вновь отрицается от дьявола, вновь сочетается Христу, вновь получает всю полноту ответственности и радости о Господе.

Решиться и прийти

Человек, который приходит в первый раз на исповедь, обычно вообще не понимает, что говорить, и не знает, чего ждать, как он вообще будет принят, с чем столкнется: с длинным «разговором о жизни» или с простым, «механическим» выслушиванием... Вариантов может быть множество. Тебе могут помочь, тебе могут помешать. Ты можешь прийти за одним, получить другое. Но это будет твой первый опыт, уникальный и прекрасный. Угадать что-либо заранее или приготовить себя к чему-то конкретному невозможно. Надо просто решиться и прийти, как с моста в воду прыгнуть.

Надо просто решиться и прийти на исповедь, как с моста в воду прыгнуть

Мы только можем молиться о том, чтобы Господь Иисус Христос, Который царствует над всеми и знает все, встретил тех, кто к Нему идет, чтобы эта встреча совершилась; чтобы люди приходили в Церковь и находили Христа – в Исповеди, в Причастии, в читаемом Евангелии, в общении с ближними. С этим, собственно, и нужно идти на исповедь: «Где Ты, Господи? Где Ты? Вот я к Тебе пришел, где Ты? Что повелишь мне делать? Что со мной будет дальше?»

Первый «разбор жизни» – вот что обычно происходит на первой исповеди и чего обычно боятся. Ты устал от себя самого, ты прожил какую-то жизнь, но ничего в ней теперь не понимаешь, ты в тупике, и вот ты пришел. И страшно тебе, с одной стороны, и, с другой стороны, эта исповедь нужна тебе, как вода умирающему от жажды. Вот ты пришел. И если первая исповедь состоялась, тогда уже второй, третий раз будет легче.

У Сергея Фуделя¹⁸ есть книжка «У стен Церкви». В ней описывается, как в советские годы одна женщина, больная раком, не имея возможности исповедоваться, позвала нянечку и всю ночь рассказывала ей свои грехи. Та записала это все на бумажку, а утром побежала в церковь с этой страшной тетрадкой о прожитой жизни – к священнику. Вот как – заочно – была принесена эта исповедь. Но это было реальное покаяние...

Если кому-то совсем неумоготу рассказывать о себе всю подноготную, а утешения хочется, тогда можно поступить по простой схеме. Вспомнить те грехи, которые жгут, записать на бумажку, прийти, показать, получить прощение от Христа через священника – и все, идти ко Причастию. Здесь в общем-то очень просто. И нечего бояться. Хотя... что это за война, если на ней не страшно? И что за исповедь, если на ней вовсе нет страха?

Через страх все равно придется переступить. А как иначе? Что это за венчание без радости, исповедь без страха, Причастие без трепета, смерть без ужаса, похороны без слез? Это не жизнь тогда. Должен быть страх на исповеди. Можно постараться максимально проявить сострадание к человеку, выйти к нему навстречу, как в евангельской притче отец, встречающий блудного сына¹⁹. Но все равно это как жалеть женщину, находящуюся в родовых муках: ты можешь держать ее за руку, каким-то образом помогать ей, но больно-то будет ей самой. И рожать придется ей самой... И все произойдет так, как должно произойти.

¹⁸ Сергей Иосифович Фудель (1900–1977) – православный богослов, философ, духовный писатель, литературовед. Принимал активное участие в жизни Церкви после революции, в результате чего неоднократно репрессирован, был в лагерях и ссылках.

¹⁹ См.: Лк.15: 11–32.

Слезы, а не экзамен

Первая исповедь для каждого человека – что-то вроде экзамена. Он очень волнуется. Наверное, он возьмет брошюру по подготовке к исповеди и будет выписывать свои грехи на бумажку – как студенты пишут шпаргалку для экзамена. Но мне кажется, что такой подход для первой исповеди не совсем правильный.

Нельзя ставить условием прощения скрупулезное перечисление прегрешений за всю жизнь. Такая генеральная исповедь не всем полезна: она может кому-то помочь, а кому-то и навредить. Может испугать, травмировать. Она может заставить окунуться в прошлое, которого человек не хочет помнить, в котором не хочет «ковыряться», а, наоборот, мечтает от него избавиться. И здесь надо уважать этот страх воспоминаний о чем-то. Надо доверять человеку. Пытаться превратить исповедь в попытку перечисления вообще всего – опасно, потому что перечислить все в принципе невозможно. Мы же повторяем в молитве, что есть грехи ведомые и неведомые. Пропорция между ними нам неизвестна. Неизвестно и то, знаем ли мы о себе все или не знаем ничего. Я не думаю, что у каждого из нас есть смелость уверенно сказать, что я – это то-то и то-то. Мы знаем о себе то, что мы знаем. И мы приходим с тем, что мы знаем о себе.

Слезы говорят о человеке больше, чем все слова, которые он может о себе сказать

Как же тогда подготовиться к первой исповеди? Хорошо, если попадется такой чуткий священник, который, не нагружая подробными знаниями, постарается вернуть человека к обетам Крещения, привести человека через покаяние ко Христу. Покаяние – это ведь обновление обетов Крещения. Крещенской водой в таинстве Исповеди становятся слезы. Хорошо, когда на исповеди много слез и мало слов. Слезы говорят о человеке больше, чем все слова, которые он может о себе сказать. Это очень важно, если человек плачет. Причем плачет не только от избытка грехов и сожаления, что он их совершил, а еще и от чувства «как хорошо, что я все-таки дошел», плачет от того, что Бог принимает его, как блудного сына. Ведь история блудного сына повествует нам о том, что сыну даже и договорить не дали. Он заранее сочинил целую речь: «Отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих»²⁰, —но когда пришел к отцу и отец вышел навстречу, то сын успел сказать только следующее: «Отче! я согрешил против неба и пред тобою и недостойн называться сыном твоим...» На этих словах текст закончился: отец заключил его в объятия. Слова о наемниках сыну не пришлось произносить.

То есть ты, конечно, можешь заготовить любой текст и написать его на бумажке. Но не факт, что ты его скажешь, потому что Бог может обнять тебя так, что ты просто задохнешься в слезах и больше ничего не сможешь произнести.

Слезы – это верный признак покаяния. Когда есть слезы, они сами собой говорят о том, что человек кается. Когда же человек очень много говорит, но глаза его сухи – здесь, конечно, есть вопрос...

²⁰ Лк. 15: 18.

Найти священника-«айболита»

Я не думаю, что разговор, который мы сейчас ведем, претендует на то, чтобы дать единственно верные ответы. Мы должны понимать, что есть множество подходов, и они могут быть так же разнообразны, как разнообразны храмы и приходы. Человек может встретить священника, у которого совершенно свой взгляд на исповедь. Тебя может встретить, например, седовласый старец, который обнимет, как родной отец, – и ты заплачешь и все поймешь. Тебя может встретить молодой человек, который окончил академию. Он задаст тебе много умных вопросов... и ты ничего не поймешь. Тебя могут встретить лаконично: «Пришел – говори». Аты: «Я не знаю, чего говорить...» – «Ну так иди отсюда, раз не знаешь. Подумай, потом придешь...»

Может быть по-разному. Один из стандартных подходов будет таким: вот тебе три канона²¹ и перечень грехов, будь любезен, прочитай, какие вообще грехи в жизни есть, выбери из них те, в которых ты грешен, три дня попустишь и тогда приходи. Это в принципе стандартно, это нормально. Только что здесь очень важно? Должен быть психологический душевный контакт между исповедником и исповедующим. Попросту говоря, пришедший на первую исповедь должен доверять священнику. Поэтому я не думаю, что исповедь у первого попавшегося священника – это хорошо. Конечно, если человек в больнице или причащается перед смертью, тут уж кто будет, тот и будет. Но если есть возможность выбора, то, конечно, лучше ею воспользоваться.

Допустим, если человек каким-то грехом опозорен, замучен, то ему будет больно, если его будут позорить дополнительно. И если ты видишь, что батюшка строг и спрашивает всех с пристрастием, так, может, не стоит к нему идти на данном этапе? А другой стоит «на потоке», головой кивает равнодушно, мол, «следующий!». Это тоже, наверное, не вариант. Или, допустим, человек в 50 лет идет первый раз исповедаться, а у аналога стоит 22-летний юноша. Бородка реденькая, глазки светленькие... По возрасту – мальчик, по сану – иерей. У исповедующегося человека, может быть, дети уже старше, чем этот батюшка. Тоже проблема для первой исповеди. Для третьей, восьмой, пятнадцатой – не проблема, это уже будет тот слушай, когда мы наслаждаемся литургией, независимо от красоты пения или великолепия храма. Но для первой исповеди тут есть проблема. Хорошо бы найти... дедушку. Священника, который был бы по возрасту таким, что у него прожито все, с чем человек пришел, он знает это. Причем знает не как твой сверстник, а как отец или даже дед. Если ты и расплачешься, то чтоб ты плакал не на груди племянника, а на груди дедушки, который скажет: «Да ладно, сынок, ну бывает, жизнь такая». Хочется ведь что-то такое услышать, а не хлесткое: «Да как ты смел! Да как вообще земля тебя носит?!» Это дополнительная боль.

Помните «Айболита» Чуковского? Он же не только для детей на самом деле написан, но и для взрослых тоже. «Добрый доктор Айболит, он под деревом сидит, приходи к нему лечиться и корова, и волчица, и жучок, и червячок, и медведица!..» Самые разные звери приходят к этому Айболиту. И он точно не ругает их. Он же не говорит зайчику, которому трамвайчик отрезал ноги: «Паразит, чего ж ты там лазил по трамвайным путям!» Он его просто лечит... Поэтому, конечно, хорошо, если у человека есть такая возможность – искать священника, к которому у него возникнет психологическое доверие. В первой исповеди – особенно. Должно быть тепло свершившегося брака, будто брачный балдахин должен накрыть исповедующегося и священника. Это тайна. Это таинство возвращения, восстановления нарушенного единства.

²¹ Канон покаянный ко Господу Иисусу Христу, канон молебный ко Пресвятой Богородице, канон Ангелу Хранителю. Их можно найти практически в любом православном молитвослове.

Как преодолеть страх?

Перед первой исповедью будет много опасений, страхов. Например, страха, что тебе скажут: «Ты опоздал, иди-ка отсюда». Или: «Раз ты не три дня постился, а два – то и до свиданья». Могут быть и сотни других опасений: а вдруг я встречу кого-то с работы? а вдруг, кроме меня, никого не будет в храме? а вдруг будет так много народу, что я не успею в очереди достояться? Но все эти страхи тождественны «метаниям» неразумных дев, не запасшихся изначально достаточным количеством масла²²: сначала просили масла у подруг, потом пошли покупать... А результат – остались перед закрытыми дверьми брачного пира: «Не знаю вас...» Так и мы: покуда будем перебирать, чего боимся, можем остаться перед закрытыми дверьми.

Что тут посоветовать? Конечно, если есть друзья и знакомые, которые прошли через опыт первой исповеди, с ними можно обсудить: «Вот, я думаю о первой исповеди, но очень боюсь. Я знаю свои грехи, могу назвать их. Но я боюсь, как меня примут». Здесь есть и стыд, и страх. И кто-то может порекомендовать хорошего, чуткого священника. Или сказать: «Ты иди на Пасху, там будет такой «хвост» людей на исповедь, что священник вообще ничего не успеет понять, – „прощаю, разрешаю, иди причащайся“». Или еще вариант – прийти в особые дни Великого поста на общую исповедь. Допускаю, что кому-то так проще, ему, может, иначе, не смешавшись с толпой, и вообще в храм будет не зайти. Но все-таки нечто очень ценное при этом, возможно, будет утеряно.

²² См.: Мф. 25: 1–12.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.